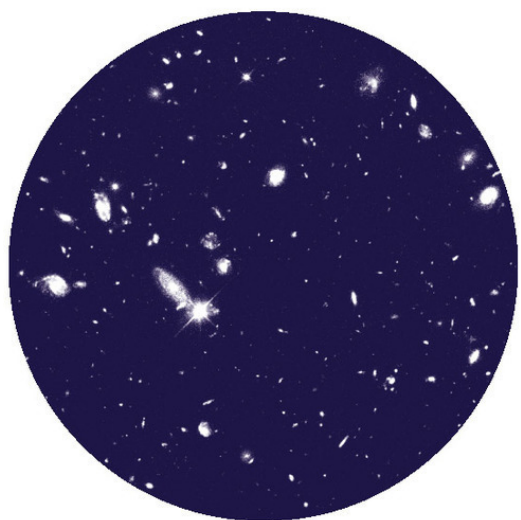

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МЫСЛИ

ТРАКТАТ

ПО ФИЛОСОФИИ

ДЛЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО

ПОКОЛЕНИЯ

Люк Ферри

Люк Ферри

**Краткая история мысли.
Трактат по философии для
подростающего поколения**

«Ад Маргинем Пресс»

2016

УДК 1(100)(091)
ББК 87.3(0)

Ферри Л.

Краткая история мысли. Трактат по философии для подрастающего поколения / Л. Ферри — «Ад Маргинем Пресс», 2016

ISBN 978-5-91103-354-5

Люк Ферри (род. 1951), известный французский философ, публицист и политик (министр по делам молодежи, образования и науки в 2002–2004 годах), адресует свою новую книгу всем, кто, не занимаясь философией профессионально, хотел бы иметь о ней представление, выходящее за рамки простого перечисления имен мыслителей и названий их теорий. Выделяя в истории западной мысли четыре основные вехи – античный стоицизм, рационализм Нового времени, философию Ницше и постмодернизм, – Ферри показывает, как все они, уточняя и развивая идеи друг друга, решают ключевые для человечества проблемы познания, морали и спасения. Будучи кратким, доступным любому читателю и вместе с тем достаточно углубленным введением в философию, книга также является последовательным изложением взгляда автора на современное состояние мысли. Данное издание осуществлено в рамках совместной издательской программы Музея современного искусства «Гараж» и ООО «Ад Маргинем Пресс»

УДК 1(100)(091)

ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-91103-354-5

© Ферри Л., 2016

© Ад Маргинем Пресс, 2016

Содержание

Предисловие	6
Глава I: Что такое философия?	9
Конечность человека и вопрос о спасении	11
Философия и религия: два подхода к вопросу о спасении	13
Три измерения философии: разумность того, что существует (теория), жажда справедливости (этика) и поиски спасения (мудрость)	17
Глава II: Пример из древнегреческой философии. Любовь к мудрости у стоиков	19
1. Теория: созерцание космического порядка	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Люк Ферри

Краткая история мысли. Тракта́т по философии для подрастающего поколения

Luc Ferry

Apprendre Á vivre

Traité de philosophie à l'usage des jeunes générations

PLON

© Editions Plon – Paris 2016

Published by arrangement with Lester Literary Agency

© Рындин С., перевод, 2018

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2018

© Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС» / IRIS Foundation, 2018

Когда некая научная теория оказывается ложной, когда ее отвергают в пользу другой, по всей видимости, более правильной, она выходит из употребления и никого больше не интересует, за исключением небольшого числа специалистов. Тогда как ответы философов далекого прошлого на вопрос «Как жить?» до сих пор актуальны. С этой точки зрения можно было бы сравнивать историю философии и искусства, но не историю наук: произведения Брака или Кандинского не «прекраснее» произведений Вермеера или Мане, а размышления Канта или Ницше о смысле или нелепости жизни не лучше – как, впрочем, и не хуже – размышлений Эпиктета, Эпикура или Будды. Они предлагают нам модели жизни, модели поведения перед лицом экзистенции, продолжая обращаться к нам через века, и ничто не может состарить их. И если научные теории Птолемея или Декарта уже давно «отжили свое» и представляют собой лишь исторический интерес, мы по-прежнему можем почерпнуть очень многое в мудрости древних, как можем восхищаться древнегреческими храмами или китайской каллиграфией, живя в XXI веке.

Люк Ферри

Посвящается Габриэле, Луизе и Кларе

Предисловие

Несколько месяцев спустя публикации моей книги «Что такое успешная жизнь?» люди часто подходили ко мне на улице и говорили примерно следующее: «Я слышал, как вы рассказывали о вашей книге... Все было так ясно, но, когда я начал ее читать, я уже ничего не понимал...» Это говорилось в лоб, но без какой-либо агрессии. Вот это-то меня и поразило! И я пообещал себе найти решение этой проблемы, хотя и не знал еще, как за это взяться, чтобы быть столь же ясным на письме, как и в устной речи...

Одно обстоятельство дало мне повод вернуться к этому вопросу. Я был в отпуске в стране, где ночь наступает в шесть часов вечера, и друзья попросили меня симпровизировать для них курс философии для детей и их родителей. Это заставило меня сразу же перейти к самому главному, чего я никогда до этого не делал. Мне пришлось отказаться от сложной терминологии, ученых цитат и аллюзий на неизвестные моим слушателям теории. По мере того как я продвигался в этой истории идей, я стал понимать, что подобных изданий просто нет и что то, что я им рассказывал, не прибегая к помощи своей научной библиотеки, могло бы стать самостоятельной книжкой. Конечно, уже существует много разных историй философии. И среди них есть просто замечательно написанные, но даже лучшие из них замысловаты для тех, кто обучался в университете, и уж тем более для тех, кто в нем еще не обучался, а иные из этих книг не представляют никакого интереса вообще.

Эта небольшая книга родилась из тогдашних дружеских бесед. Она хранит их следы, хотя текст, конечно, был изменен и дополнен. Задачи этой книги скромны и амбициозны одновременно. Скромны, потому что она адресована широкой публике, как те беседы, что я вел на каникулах. Амбициозны, потому что мне не хотелось идти даже на малейшие уступки в смысле упрощения материала, которые могли бы исказить представление о великих философских идеях. Я испытываю настолько трепетное уважение к выдающимся произведениям философии, что не могу представлять их в карикатурном виде даже в педагогических – якобы – целях. Ясность является необходимой частью требований, которым я следовал в этой книге, обращаясь к тем, кто только начинает свой путь в философии, но эта ясность должна достигаться, не разрушая при этом сам объект исследования, иначе все это вообще не будет иметь никакого смысла.

Таким образом, мне хотелось бы предложить такое введение в философию, которое, будучи написано как можно проще, не умаляло бы богатства и глубины философских идей. Его задача – не только дать представление о философии, некоторые поверхностные знания в ней или ее общий обзор, безусловно искаженный потребностью научной вульгаризации, но и представить эти идеи такими, каковы они есть, удовлетворяя двум требованиям: требованию взрослого человека, желающего узнать, что такое философия, но не обязательно стремящегося углубиться в нее в дальнейшем; и требованию подростка, который, возможно, хочет изучить ее глубже, но не располагает еще необходимыми знаниями, чтобы начать читать самому порой непростые философские труды.

Вот почему я попытаюсь показать здесь все, что в истории философии мне кажется сегодня действительно существенным, то есть все, что мне хотелось бы передать тем, кто мне дорог, включая мою семью и друзей.

Итак, почему же я избрал такой подход?

Прежде всего в силу эгоизма, потому что даже самый великолепный спектакль может превратиться в пытку, если нам не с кем его разделить. Тем не менее с каждым днем я все больше понимаю, что философия не является частью того, что обычно называют «общей культурой». «Культурный человек», как предполагается, должен знать историю страны, несколько крупных писателей и художников, может быть, кое-что из биологии или физики, но никто не

упрекнет его в том, что он не знает Эпиктета, Спинозу или Канта. Однако с годами у меня сложилось убеждение, что для всех и для каждого, включая тех, для кого философия не является призыванием, чрезвычайно полезно хоть чуть-чуть ознакомиться с ней, хотя бы по двум причинам.

Первая причина заключается в том, что без философии невозможно по-настоящему понять мир, в котором мы живем. Многие она проясняет гораздо лучше, чем исторические науки. Почему? Да просто потому, что почти все наши мысли, убеждения и ценности являются – хотя мы об этом порой и не догадываемся – неотъемлемой частью определенных воззрений на мир, которые вырабатывались и оттачивались в ходе развития философии. И чтобы постигнуть логику, важность, предназначение этих идей, необходимо их понимать.

Есть люди, которые тратят значительную часть своей жизни, пытаясь избежать неприятностей и подготавливая себя ко всякого рода напастям: потере работы, несчастному случаю, болезни, смерти близкого человека и т. д. Другие, наоборот, как нам кажется, живут в полной беззаботности. И при этом считают, что вопросы такого рода в повседневной жизни просто бессмысленны, неестественны и даже граничат с патологией. Знают ли они, и первые и вторые, что оба эти подхода уходят корнями в два типа мировоззрения, детали которых уже были с необыкновенной глубиной разработаны древнегреческими философами?

Выбор эгалитарной, а не аристократической этики, романтической, а не классической эстетики, привязанности или непривязанности – стремления избежать привязанности к вещам или людям перед лицом смерти, – принятие авторитарных или либеральных идеологий, любовь к природе и животным, а не к людям, к дикому миру, а не к цивилизации – все это и еще многое другое сначала было огромными метафизическими конструкциями и только потом стало конкретным выбором, который предлагается гражданам к потреблению, как фрукты и овощи на рынке. Исходные расхождения, конфликты, цели и задачи этих конструкций, хотим мы того или нет, продолжают управлять и нашей речью, и нашими размышлениями. Изучить их лучшие образцы, понять их глубинные истоки значит дать себе возможность стать не только более рассудочным, но и более свободным. Так во имя чего же мы должны себя этого лишать?

Но даже несмотря на то, что благодаря знанию великих произведений философии мы выигрываем в понимании и познании самих себя и других людей, следует знать, что они также просто-напросто могут помочь нам жить лучше и свободнее. Как говорят многие современные философы, каждый при этом на свой манер, мы философствуем не для забавы, не потому, что хотим лучше понимать мир и самих себя, а порой просто потому, что хотим «спасти свою шкуру». В философии есть все, чтобы победить парализующие нашу жизнь страхи, и было бы большой ошибкой считать, что сегодня ей на смену могла бы прийти психология.

Научиться жить, научиться не бояться понапрасну различных ликов смерти или просто-напросто преодолевать банальность повседневной жизни, тоску, проходящее время – все это уже изучалось в школах Древней Греции. Их послание заслуживает того, чтобы мы его услышали, потому что, в отличие от того, что происходит в истории наук, философы прошлого все еще говорят с нами. И это уже само по себе заслуживает размышления.

Когда некая научная теория оказывается ложной, когда ее отвергают в пользу другой, по всей видимости, более правильной, она выходит из употребления и никого больше не интересует, за исключением небольшого числа специалистов. Тогда как ответы философов далекого прошлого на вопрос «Как жить?» до сих пор актуальны. С этой точки зрения можно было бы сравнивать историю философии и искусства, но не историю наук: произведения Брака или Кандинского не «прекраснее» произведений Вермеера или Мане, а размышления Канта или Ницше о смысле или нелепости жизни не лучше – как, впрочем, и не хуже – размышлений Эпиктета, Эпикура или Будды. Они предлагают нам модели жизни, модели поведения перед лицом экзистенции, продолжая обращаться к нам через века, и ничто не может состарить их. И если научные теории Птолемея или Декарта уже давно «отжили свое» и представляют собой

лишь исторический интерес, мы по-прежнему можем почерпнуть очень многое в мудрости древних, как можем восхищаться древнегреческими храмами или китайской каллиграфией, живя в XXI веке.

По образцу первого в истории учебника философии – учебника Эпиктета – эта небольшая книжка тоже обращается к своему читателю на «ты». Потому что, прежде всего, она обращается к ученику, идеальному и реальному одновременно, который уже стоит на пороге взрослой жизни, но все еще не порвал с миром своего детства. В этом обращении нет фамильярности, это всего лишь дружеская, душевная форма общения, для которой обращение на «ты» подходит лучше всего.

Глава I: Что такое философия?

Итак, я поговорю с тобой об истории философии. Конечно, не обо всей, но хотя бы о ее пяти ключевых моментах. Каждый раз я буду приводить примеры того или иного мировоззрения или, как иногда принято говорить, «системы мысли», связанной с определенной эпохой, чтобы ты смог начать изучать их и сам, если захочешь. Мне также сразу хотелось бы пообещать тебе следующее: если ты будешь следовать за моей мыслью, ты действительно поймешь, что такое философия. У тебя даже сложится достаточно ясное представление о ней, и потом ты сам решишь, хочешь ты или нет изучить ее глубже – например, взяв в руки книги тех великих мыслителей, о которых я буду здесь рассказывать.

К несчастью – если только это, как раз наоборот, не является большой удачей, этакой уловкой разума, побуждающей нас размышлять, – вопрос «Что такое философия?», который, казалось бы, должен решаться сам собой, является одним из самых противоречивых вопросов, с которыми мне приходилось сталкиваться. Многие сегодняшние философы все еще продолжают спорить о нем и далеко не всегда приходят к согласию.

Когда я был в выпускном классе, преподаватель убеждал меня, что в этом вопросе речь идет об «обычном формировании критического мышления и самостоятельности мысли», об «умении мыслить последовательно», об «искусстве размышления», заключающемся в «удивлении», «вопрошании» и т. д. Такие определения и сегодня можно встретить в различных учебниках.

Несмотря на все мое уважение к этому преподавателю, которое не претерпело изменений, должен сразу же оговориться, что, на мой взгляд, подобные определения не имеют почти ничего общего с сутью вопроса «Что такое философия?»

Конечно, в философии предпочтительнее размышлять. Конечно же, по мере возможностей это нужно делать последовательно, иногда критически и необходимо задаваться вопросами. Но в этом нет абсолютно ничего специфического. Я уверен, что ты и сам можешь назвать бесконечное число других видов человеческой деятельности, где люди тоже задаются различными вопросами и стараются находить наилучшие аргументы, не будучи при этом философами.

Биологи и художники, физики и романисты, математики, богословы, журналисты и даже политики размышляют и задаются различными вопросами, хотя, насколько я могу судить, не являются философами. Одним из главных недостатков современности является то, что философию сводят к обычной «критической рефлексии» или к «теории аргументации». Безусловно, умение размышлять и аргументировать – это навыки, в высшей степени заслуживающие уважения. Они совершенно необходимы для формирования настоящего гражданина, способного с некоторой автономией принимать участие в политической жизни. Это действительно так. Но это всего лишь средство для достижения иных задач, нежели задачи философии, потому что философия не является ни политическим инструментом, ни некоей опорой для нравственности.

Поэтому я предлагаю тебе отправиться по ту сторону этих общих мест и на время – до тех пор, пока ты сам не придешь к более ясному пониманию вопроса, – принять совершенно другой подход.

Мы будем отталкиваться от очень простой вещи, но в ней уже будет присутствовать в зародыше один из главных вопросов всей философии: в отличие от Бога – если он существует, – человек смертен, или, говоря словами философов, является «конечным существом», ограниченным в пространстве и времени. Но, в отличие от животных, он – единственное существо, обладающее сознанием своих собственных пределов. Он знает, что умрет, знает, что умрут его близкие и те, кого он любит. А значит, человек не может не задаваться вопросом об этой

ситуации, которая априори, то есть независимо от опыта, беспокоит его своей абсурдностью и невыносимостью. И для этого, конечно же, прежде всего он обращается к религии, обещающей ему «спасение».

Конечность человека и вопрос о спасении

Мне хотелось бы, чтобы ты правильно понял слово «спасение» и то, каким образом религия подходит к тем вопросам, которые оно поднимает. Ведь чтобы лучше понять, что такое философия, самое простое – соотнести ее с религией.

Открой словарь, и ты увидишь, что прежде всего слово «спасение» означает «то, что спасает, избавляет от чего-либо; выход из опасного, затруднительного положения». Пусть будет так. Но от какой напасти, от какой страшной опасности может избавить нас религия? Ты уже и сам знаешь ответ: речь, конечно же, идет о смерти. Вот почему все религии обещают нам вечную жизнь в различных формах, чтобы заверить нас, что однажды мы вновь обретем тех, кого любим, – родителей или друзей, братьев или сестер, мужа или жену, детей или внуков, – тех, с кем нас неизбежно разлучит земное существование.

В Евангелии от Иоанна Иисус тоже проходит через испытание смертью своего дорогого друга Лазаря. И плачет, как обычный человек. Как ты или я, он получает опыт душевных страданий, связанных с разлукой. Но в отличие от нас, простых смертных, он может воскресить своего друга. И делает это, чтобы показать, как он говорит, что «любовь сильнее смерти». В сущности, именно это послание является ядром христианского учения о спасении: для тех, кто любит, для тех, кто верит слову Христа, смерть – лишь видимость, переходная стадия. Благодаря вере и любви мы можем достичь бессмертия.

Нужно признать, что это очень кстати. Ведь чего, в сущности, мы хотели бы больше всего? Чтобы нас понимали, любили, чтобы мы не были одинокими, не разлучались с близкими – короче говоря, чтобы мы не умирали и они не умирали тоже. Поэтому некоторые ищут свое спасение именно в вере в Бога, и религия уверяет нас, что у них это получится.

Почему бы и нет, если есть вера и убежденность в этом?

Но для тех, кто не убежден, для тех, кто сомневается в правдивости таких обещаний, проблема остается нерешенной. И тут, если так можно выразиться, философия принимает эстафету.

Тем более что сама смерть – и это важный момент, если ты хочешь понять сферу деятельности философии, – не такая уж простая реальность, как обычно полагают. Она не сводится к «концу жизни», к более или менее резкому прекращению нашего существования. Чтобы уверить себя, некоторые мудрецы древности говорили, что не стоит думать об этом, поскольку возможно только одно из двух: или я есть, и тогда, разумеется, смерти еще нет; или она наступает, но уже нет меня, и мне не о чем беспокоиться! Так зачем тогда мучиться этой проблемой?

К сожалению, такого умозаключения недостаточно. Ведь истина заключается в том, что смерть, в отличие от того, что старается внушить нам это древнее изречение, имеет несколько различных обликов, *присутствие которых парадоксальным образом ощутимо в самом средоточии бытия ключом жизни.*

А ведь именно это, в тот или иной момент, мучает то несчастное конечное существо, каковым является человек, поскольку он понимает, что его время отмерено, что все необратимо и что, может быть, ему нужно хорошенько поразмыслить о том, как распорядиться своей короткой жизнью. В одном из своих самых известных стихотворений Эдгар По представил эту идею необратимости человеческого существования в образе мрачной птицы – сидящего на окне ворона, который непрестанно твердит одну-единственную фразу: «Never more» («Больше никогда»).

Тем самым Эдгар По хотел показать, что смерть как таковая связана с тем, что относится к сфере «больше никогда». *В средоточии жизни* она является тем, что не возвращается, тем, что неизбежно является частью прошлого, тем, что мы не сможем однажды обрести вновь, несмотря на все наши усилия. Речь может идти о прекрасных каникулах в детстве, о тех местах

и друзьях, которые безвозвратно утеряны, о разводе родителей, о домах или школах, которые мы были вынуждены оставить в связи с переездом, о тысяче других вещей: даже если речь не всегда идет об исчезновении дорогого нам существа, все, что относится к сфере «больше никогда», так или иначе связано со смертью.

В этом смысле, как ты теперь понимаешь, смерть далеко не сводится исключительно к концу биологической жизни. Мы знакомы с бесконечностью ее воплощений в самом средоточии жизни, и все эти воплощения терзают нас, хотя иногда мы даже не отдаем себе в этом отчета. Чтобы жить хорошо, свободно, быть открытым для радостей, щедрости и любви, нам прежде всего нужно победить этот страх или, вернее, «эти» страхи, поскольку проявления необратимого чрезвычайно разнообразны.

И как раз в этом вопросе религия и философия фундаментальным образом расходятся.

Философия и религия: два подхода к вопросу о спасении

Так как же религия пытается уберечь нас от этой наивысшей угрозы? Главным образом, через веру. Именно вера, и только она, может сделать так, чтобы на нас снизошла милость Господня: если ты веришь в Бога, то он спасет тебя, говорит религия, и для этого, прежде других добродетелей, требуется добродетель *смирения*, которая, с точки зрения религии, – как не устают повторять великие христианские мыслители, от святого Августина до Паскаля, – противопоставляется высокомерию и тщеславию философии. В чем же обвиняется свободная мысль? Всего лишь в том, что она тоже утверждает, что может спасти нас если не от самой смерти, то, по крайней мере, от порождаемых ею тревог, но спасти *благодаря нашим собственным силам и на основании нашего собственного разума*. Вот в чем заключается, по крайней мере с религиозной точки зрения, философская гордыня в полном смысле этого слова, несносная дерзость, заметная уже у ранних философов Древней Греции, то есть за несколько веков до появления Иисуса Христа.

И это правда. Не веря в Божье спасение, философ является прежде всего тем, кто думает, что, познавая мир, постигая самого себя и других, насколько нам это позволяет делать наше разумение, нам удастся преодолеть наши страхи не с помощью слепой веры, а с помощью ясности собственного разума.

Иными словами, если религия сама себя определяет как «учение о спасении» через Другого, то есть через Бога, то великие философские учения можно было бы определить как учения о спасении через самого себя, без помощи Бога.

Именно поэтому, например, Эпикур определяет философию как «лекарство для души»¹, конечная задача которого – дать нам понять, что «не надо бояться смерти». И это – целая философская программа, изложенная Лукрецием, учеником Эпикура, в поэме «О природе вещей»:

И, ниспровергнув, изгнать совершенно боязнь Ахеронта²,
Что угнетает людей и, глубоко их жизнь возмущая,
Тьмою кромешною всё омрачает и смертною мглою
И не дает наслаждаться нам радостью светлой и чистой.

Но это же верно и для Эпиктета, одного из крупнейших представителей другой философской школы Древней Греции, о которой я очень скоро тебе расскажу, – стоицизма, доходящего до того, что в нем *вся* философская проблематика сводится к одной-единственной проблеме: страху смерти.

Послушаем, что говорит Эпиктет своему ученику во время их совместных бесед:

Так думаешь ли ты о том, что суть всех зол, неблагородства и малодушия у человека это не смерть, а скорее страх смерти? Так вот, против него ты, у меня, упражняйся, сюда пусть будут направлены все рассуждения, упражнения на деле, чтения на занятиях, и ты узнаешь, что только так люди становятся свободными³.

¹ В этой связи он предлагает четыре лекарства («четверолекарствие») от зол, непосредственно связанных с тем, что мы смертны: «Гнева богов бояться в этом мире нечего, как нечего бояться и смерти. <...> Благо легко достижимо, а зло нетяжко».

² Ахеронт – река подземного царства.

³ Беседы Эпиктета / Пер. Г. Тароняна. М.: Ладомир, 1997. С. 215.

Эту тему мы встречаем и у Монтеня в его знаменитом изречении «философствовать – значит учиться умирать», а также у Спинозы с его изящным размышлением о мудреце, который «умирает в меньшей степени, нежели глупец», а еще у Канта, когда он задается вопросом о «том, на что мы можем надеяться», и даже у Ницше, у которого в идее о «невинности становления» обнаруживаются все самые важные элементы учений о спасении, выкованные в Античности.

Не беспокойся, если имена этих видных философов тебе еще ни о чем не говорят. Это нормально, ведь ты только начинаешь свой путь. Мы еще вернемся к каждому из них, чтобы яснее выразить их мысли и лучше понять их.

Сейчас тебе важно понять, почему, с точки зрения всех философов, страх смерти мешает нам жить. Не только потому, что он порождает тревогу. Ведь большую часть времени мы об этом не думаем, и я уверен, что ты не проводишь дни напролет, размышляя о том факте, что люди смертны! Гораздо важнее другое: необратимость хода вещей, являющаяся формой смерти в самом средоточии жизни, постоянно уводит нас в такое измерение времени, которое угнетает наше существование, – в измерение прошлого, где живут эти великие угнетатели счастья: ностальгия и чувство вины, сожаления и угрызения совести.

Возможно, ты мне ответишь, что достаточно просто не думать об этом, попытавшись, например, ограничиться хорошими воспоминаниями и не возвращаться к плохим.

Хотим мы того и нет, но воспоминания о счастливых моментах тоже могут коварно вырывать нас из реальности. Ведь со временем память преобразует их в островки «утраченного рая», которые незаметно тянут нас к прошлому и тем самым мешают наслаждаться настоящим.

Как ты увидишь в дальнейшем, древнегреческие философы думали, что прошлое и будущее – это два зла, тяготеющие над человеческой жизнью, два очага всех тех тревог, которые портят это единственное и уникальное измерение нашего существования, которое заслуживает быть прожитым просто потому, что оно является единственной реальностью – реальностью настоящего момента. Прошлого больше нет, а будущего еще нет, любили подчеркивать они, и тем не менее почти вся наша жизнь протекает между воспоминаниями о прошлом и планами на будущее, между ностальгией и надеждой. Мы воображаем, что были бы гораздо счастливее, если бы у нас было то или это, новые туфли или более мощный компьютер, другая квартира, отпуск, проведенный в другом месте, другие друзья... Но, сожалея о прошлом или надеясь на будущее, мы в конце концов проходим мимо единственной жизни, достойной того, чтобы ее прожить, мимо жизни, связанной со «здесь и сейчас», мимо жизни, которую мы не умеем ценить, как она того, безусловно, заслуживает.

А что предлагает религия перед лицом этих отравляющих наш вкус к жизни миражей?

Религия говорит, что нам нечего бояться, поскольку все наши ожидания исполнятся, и что мы вполне можем жить в настоящем, каким бы оно ни было, в ожидании лучшего будущего! Ведь существует милостливое и бесконечное Высшее существо, которое любит нас больше всего. Оно спасет нас от одиночества и разлуки с дорогими людьми, которые, даже если они исчезли из этой жизни, будут ждать нас в другой.

Но что нужно делать, чтобы «спастись»? Главное – нужно верить. Алхимия спасения должна свершаться в вере и через милость Господню. Перед лицом Того, кого религия считает Высшим существом, Того, от которого все зависит, она предлагает нам такой тип поведения, который можно выразить в двух словах: вера (по-латыни *fides*) и смирение.

Поэтому философия, идущая по совершенно иному пути, граничит с *дьявольщиной*.

Как раз для борьбы с философией христианская теология разрабатывала идеи об «искушениях дьявола». Демон, вопреки его общепринятому образу, распространяемому Церковью, которой недостает авторитета, не является тем, кто сбивает нас с правильного пути в плане нравственности, используя слабость нашей плоти. Это тот, кто делает все возможное в плане духовном, чтобы *отлучить* нас (по-древнегречески *diabolos* означает «тот, кто разлучает») от

вертикальной связи, объединяющей настоящих верующих с Богом, который является единственным, кто спасает нас от безутешности и смерти. Diabolos не довольствуется тем, что сталкивает людей друг с другом, толкая их, например, к ненависти или к войне, он – и это гораздо хуже – отрывает человека от Бога и тем самым предаёт его всяческим тревогам, от которых лечит лишь вера.

Для догматического теолога философия – если, конечно, она не подчинена целиком и полностью религии и не состоит у нее на службе (тогда, правда, это уже и не философия...) – является самым настоящим творением дьявола, потому что, побуждая человека отвернуться от веры и опираться на свое собственное сознание, на свой критический разум, она мало-помалу толкает его на путь *сомнения*, который является первым шагом для избавления из-под божественной опеки.

В начале Библии, в Книге Бытия, как ты, может быть, помнишь, змий как раз выполняет роль дьявола, подталкивая Адама и Еву к *сомнению* в обоснованности божественных заповедей, запрещающих касаться запретного плода. Змий хочет, чтобы первые люди начали задаваться вопросами и отведали яблоко, тем самым послушавшись Бога, ибо, разлучив их с Богом, он сможет навязать им все те мучения, которые свойственны жизни простых смертных. Вместе с этим «грехопадением», утерей первоначального рая, где счастливо жили первые люди, без страхов, в гармонии с природой и Богом, возникают первые формы страха. И все они определяются тем фактом, что после грехопадения, напрямую связанного с сомнением в отношении обоснованности божественных запретов, люди стали смертны.

Философия – все философские учения, как бы они иногда ни расходились в своих решениях, – тоже обещает нам избавление от этих первобытных страхов. Таким образом, у нее (по крайней мере, с самого начала), как и у религии, существует твердое убеждение, что тревоги мешают нам жить: они мешают нам быть не только счастливыми, но и свободными. И это, как я тебе уже показал в ряде примеров, постоянная тема ранних древнегреческих философов: мы не можем свободно мыслить и действовать, если мы парализованы смутным беспокойством, которое порождается страхом необратимости времени, даже когда этот страх бессознателен. А значит, необходимо призвать людей «спасать» себя самостоятельно.

Но, как ты теперь понимаешь, это спасение должно исходить не от кого-то *Другого*, Высшего и «трансцендентного» (то есть «внешнего и высшего» по отношению к нам) существа, а *от нас самих*. Философия хочет, чтобы мы выпутывались из этой ситуации своими силами, путем своего разума, если, конечно, мы будем использовать его, как нужно, с отвагой и твердостью. Именно это хотел сказать Монтень, когда, намекая на мудрость древнегреческих философов, уверял нас, что «философствовать – это значит учиться умирать».

Но вся ли философия должна быть тогда атеистична? Может ли существовать христианская, еврейская или мусульманская философия? И если да, то в каком смысле ее следует понимать? И наоборот, какой статус отвести тем великим философам, которые, как Декарт или Кант, были верующими? И почему тогда, спросишь ты меня, нужно отказываться от обещаний религий? Почему бы не принять смирение и не подчиниться законам учения о спасении «с Богом»?

На то есть две причины, лежащие в том числе и в основе всякой философии.

Прежде всего, дело в том, что предлагаемое нам религией избавление от тревог смерти, то есть обещание бессмертия и того, что после нашей биологической смерти мы вновь обретем тех, кого любим, как иногда говорят, слишком красиво, чтобы быть правдивым. То есть столь же красиво и маловероятно, как образ Бога, по-отечески сидящего рядом со своими верующими. Как примирить это обещание с обрушивающимися на человечество вновь и вновь массовыми убийствами и несчастьями: какой отец оставит своих детей в аду Освенцима, Руанды или Камбоджи? Безусловно, верующий ответит, что это – цена за свободу, что Бог создал людей свободными и что зло должно быть поставлено в вину им. Но что сказать о невинных? Что ска-

зять о тысячах невинных детей, пострадавших от этих страшных преступлений против человечества? Философ неизбежно начнет сомневаться в самодостаточности такого ответа религии на этот вопрос⁴. Он обязательно придет к выводу, что вера в Бога, оказывающаяся здесь неким противовесом, даже утешением, вероятно, может скорее ослепить нас, нежели что-то прояснить. Разумеется, философ уважает верующих. Он не обязательно утверждает, что они ошибаются, что их вера абсурдна или тем более что Бога точно не существует. Да и как можно доказать, что Бога не существует? Просто у философа нет этой веры, вот и все, и именно поэтому он вынужден искать ответы вовне, должен мыслить иначе.

Но есть еще один момент. Благополучие не является единственным идеалом жизни на Земле. Свобода – тоже такой идеал. Унимая наши тревоги и превращая смерть в иллюзию, религия ограничивает нашу свободу мысли. Ведь взамен спокойствия, которое, как предполагается, она нам несет, она требует, чтобы в тот или иной момент мы перешли от разума к вере, чтобы мы отошли от критического разума и перешли исключительно к вере. Она хочет, чтобы по отношению к Богу мы вели себя как дети, а не как взрослые, в которых она видит лишь в конечном счете самоуверенных резонеров.

На самом деле, философствовать – по крайней мере, с точки зрения философов, поскольку точка зрения верующих будет, разумеется, иной, – значит предпочитать комфорту ясность сознания, а вере – свободу. В этом смысле философ действительно «спасает свою шкуру», но речь не идет о том, чтобы сделать это любой ценой.

В таком случае, может быть, скажешь ты мне, коль скоро философия – это главным образом поиск достойной жизни вне религии, *поиск спасения без Бога*, откуда берется тот факт, что в учебниках ее очень часто представляют как искусство мышления, совершенствования критического разума, рефлексии и индивидуальной автономии? Почему в мире, в телепередачах или в прессе ее зачастую сводят к некоей нравственной позиции, противопоставляющей справедливость и несправедливость? Разве философ – не тот, кто понимает окружающий мир и поэтому занимает определенную позицию, восставая против существующего зла? Какое место следует отводить аспектам интеллектуальной и нравственной жизни? Как их примирить с определением философии, которое мы только что рассмотрели?

⁴ Заметим, что такая аргументация работает только против общераспространенных взглядов религии. Конечно, это так. Но от этого таких взглядов не становится меньше, и в этом смысле они не теряют своей силы.

Три измерения философии: разумность того, что существует (теория), жажда справедливости (этика) и поиски спасения (мудрость)

Разумеется, даже если поиск спасения без Бога лежит в центре всякой великой философии, даже если именно это является ее насущной конечной целью, ее невозможно бы было достигнуть, не прибегая к глубоким размышлениям над разумностью того, что существует, – это обычно называют «теорией», а также о том, что должно быть, или что следует делать, – это обычно называют моралью или этикой⁵.

Причину этого понять достаточно просто.

Поскольку философия, как и религия, берет свое начало в размышлении о «конечности» человека, в том факте, что всем нам, смертным, отведено определенное время и что мы являемся в этом мире единственными существами, отдающими себе в этом отчет, само собой разумеется, что мы не можем уклониться от вопроса о том, что делать с этим ограниченным временем. В отличие от деревьев, устриц или кроликов, мы постоянно задаемся вопросом о наших отношениях со временем, о том, как нам его занять или использовать, будь то на короткий период (час или предстоящий вечер) или длинный (текущий месяц или год). Мы неизбежно – иногда в результате какого-нибудь толчка, внезапного события – приходим к вопросу о том, что нам делать – что мы могли бы или должны сделать – со всей нашей жизнью.

Иными словами, формула «смертность + осознание своей смертности» – это своего рода коктейль, в котором, как в зародыше, содержится источник всех философских вопросов. Философ – это прежде всего тот, кто думает, что мы на этой земле не «туристы», то есть мы здесь не ради забавы. Или скажем лучше: даже если, вопреки только что сказанному мной, философ придет к заключению о том, что развлечение заслуживает того, чтобы его проживали, то по меньшей мере это будет результатом его мысли, его рефлексии – а не рефлекса. И это предполагает три этапа: этап *теории*, этап *морали* или *этики* и, наконец, этап достижения *спасения* или *мудрости*.

Все это можно выразить еще проще: первая задача философии, то есть задача теоретическая, заключается в формировании идеи о «площадке для игры», в приобретении минимума знаний о мире, в котором разворачивается наше существование. На что этот мир похож, какой он – враждебный он к нам или дружелюбный, опасный или благодатный, гармоничный или хаотичный, таинственный или познаваемый, красивый или безобразный? Если философия – это поиск спасения, размышления о проходящем и ограниченном времени, значит, она не может не начать с вопроса о природе этого окружающего нас мира. Всякая философия, достойная такого названия, отталкивается, таким образом, от естественных наук, открывающих нам устройство вселенной (физика, математика, биология и т. д.), а также от исторических наук, приоткрывающих нам историю этого мира и историю человечества. «Не геометр да не войдет», – говорил ученикам о своей школе, то есть Академии, Платон, и после него ни один

⁵ Во избежание недоразумений сделаем одно замечание о двух этих терминах. Как следует говорить: «мораль» или «этика»? Чем именно отличаются эти термины? Дадим простой и ясный ответ: априори между ними нет никакой разницы, и ты можешь использовать их как угодно. Слово «мораль» происходит от латинского слова, означающего «нравы», а слово «этика» – от греческого слова, тоже означающего «нравы». Таким образом, это полноправные синонимы, отличающиеся друг от друга только своим происхождением. Но надо сказать, что некоторые философы использовали наличие двух этих терминов, чтобы дать им различные смыслы. У Канта, например, «мораль» означает совокупность общих принципов, а «этика» – их конкретное приложение. Другие философы будут понимать под «моралью» теорию обязанностей по отношению к другим людям, а под «этикой» – учение о спасении и мудрости. Почему бы и нет? Ничто не запрещает использовать эти слова в разных смыслах. Но ничто и не обязывает нас это делать. Поэтому в этой книге я буду употреблять термины «мораль» и «этика» как синонимы.

философ не обходился без научных знаний. Но философия должна идти еще дальше и задать себе вопрос о тех *средствах*, которыми мы располагаем, чтобы познавать мир. Помимо размышлений, заимствованных из позитивных наук, она пытается, в сущности, очертить природу познания как такового, понять те методы, которыми пользуется (например: как обнаружить причины некоего явления?), и пределы этих методов (например: можно ли доказать существование Бога?).

Эти два вопроса – вопрос о природе мира и вопрос об инструментах познания, – которыми располагает человек, являются, таким образом, основными вопросами *теоретической* части философии.

Но само собой разумеется, что помимо указанной «площадки для игры», помимо знаний о мире и истории, в которых наше существование занимает свое место, нам нужно интересоваться еще и другими людьми, теми, с кем мы будем на этой площадке играть. Ведь мы далеко не одиноки, один простой факт нашего воспитания показывает, что мы не могли бы родиться и выжить без помощи других людей, начиная с наших родителей. Как жить с другими, какие нужно принять правила игры, как вести себя так, чтобы это поведение было «подходящим», полезным, достойным, короче говоря, попросту «справедливым» в наших отношениях с другими людьми? Это как раз вопрос второй части философии, уже не теоретической, а *практической* части, в широком смысле связанной со сферой *этики*.

Но почему нужно стремиться познавать мир и его историю, почему нужно стремиться жить в гармонии с другими? Какова цель или смысл всех этих усилий? Есть ли у этого смысл вообще? Все эти вопросы и еще целый ряд подобных отсылают нас к третьему измерению философии, измерению, которое, как ты понял, касается важнейшего вопроса о *спасении* или *мудрости*. Если философия, согласно своей этимологии, является «любовью» (philo) к мудрости (sophia), то именно здесь она должна в некотором роде самоустраниться, чтобы уступить место, насколько это, конечно, возможно, самой мудрости, которая, как ты сам понимаешь, прекрасно обходится безо всякой философии. Ведь, по определению, быть мудрым – не значит любить или пытаться стать любимым, это просто значит жить мудро, счастливо и свободно, насколько это возможно, победив, наконец, те страхи, что пробудило в нас осознание конечности нашей жизни.

Все это, впрочем, становится слишком абстрактным, и не имеет никакого смысла продолжать говорить об определении философии без конкретных примеров. Они позволят тебе увидеть в действии все три ее измерения – теорию, этику, поиск спасения или мудрости, – о которых мы только что говорили.

А значит, лучше всего будет сразу проникнуть в самую суть вопроса и начать с самого начала, с истоков, со школ философии, процветавших в Античности. Поэтому предлагаю тебе рассмотреть первую величайшую традицию философской мысли – это традиция, которая идет от Платона и Аристотеля и находит свое самое законченное или, по крайней мере, самое «популярное» выражение в стоицизме. С него-то мы и начнем. Затем мы продолжим вместе исследовать крупнейшие философские эпохи. Нам нужно будет также понять, почему и каким образом философия совершала переходы от одного мировоззрения к другому. Потому ли, что предыдущие решения проблем больше не удовлетворяли философов? Или потому, что они уже не казались такими убедительными? Или потому, что новые решения одерживали верх над предыдущими? Или потому, что существует множество возможных решений?

Именно тогда ты поймешь, почему философия, опять-таки вопреки распространенному и надуманному мнению, является скорее искусством находить ответы, нежели искусством задавать вопросы. Очень скоро ты сможешь об этом судить *самостоятельно* – в этом состоит еще одно важнейшее обещание философии, потому что она не религиозна и ее истина не зависит от кого-то Другого, – и осознаешь, насколько глубоки, увлекательны, а проще говоря, гениальны ее решения.

Глава II: Пример из древнегреческой философии. Любовь к мудрости у стоиков

Сначала немного истории, чтобы у тебя по крайней мере было представление о той ситуации, в которой зародилась школа стоиков.

Большая часть историков согласна с тем, что философия начала свой путь в Древней Греции, примерно в VI веке до н. э. Это принято называть «греческим чудом», настолько удивительно это ее внезапное зарождение. А что было до VI века, как обстояли дела в других цивилизациях? Почему вдруг возникла философия?

Конечно, об этом можно говорить долго и научно. Но полагаю, что, отвечая на эти вопросы, мы можем ограничиться двумя ответами.

Первый ответ будет такой. Во всех известных нам цивилизациях, существовавших до древних греков, место философии, так сказать, занимали религии. Именно они удерживали монополию в отношении вопроса о спасении, успокаивая человеческие тревоги, зародившиеся из ощущения нашей смертности. Об этом свидетельствуют почти все религиозные культы, следы которых дошли до нас. Длительное время люди искали спасения как раз в защите богов, а не в использовании своего разума.

Так почему все же в Древней Греции возникла философия, эта форма разумного, «рационального» поиска, освобожденная от религиозных верований? Все говорит о том, что, по всей видимости, к этому имеет отношение природа политической организации древнегреческого полиса, которая, по крайней мере частично, была демократической. Эта организация, как никакая другая, поощряла элиты, свободу и автономию мысли. Греческие граждане привыкли постоянно что-то обсуждать на публике, обдумывать, аргументировать, и, вероятно, именно эта республиканская традиция способствовала возникновению свободной мысли, то есть мысли, избавленной от рамок различных религиозных культов.

Поэтому уже с VI века до н. э. в Афинах существовало множество философских школ. Чаще всего их именовали по местоположению. Например, основатель школы стоиков, Зенон из Китиона (родившийся около 334 года и умерший около 262 года до н. э.), преподавал под расписными аркадами. Именно так возникло слово «стоицизм». Оно происходит от древнегреческого слова *stoa*, означающего «портик».

Уроки Зенона под этим расписным портиком были бесплатными и открытыми для всех. Они оставили такой след, что после смерти Зенона преподавание было продолжено его учениками.

Первым преемником Зенона стал Клеанф из Асса (около 331–230 до н. э.), а вторым – Хрисипп из Солы (около 280–208 до н. э.). Именно их философия получила название «раннего стоицизма». От этого периода до нас практически ничего не дошло, кроме небольшой поэмы Клеанфа «Гимн к Зевсу». С их воззрениями мы познакомились косвенным путем, то есть благодаря авторам более позднего периода (в частности, Цицерону). Но у стоицизма был еще один важный период в Древней Греции II века до н. э., а также третий, уже гораздо позднее, в Древнем Риме.

В отличие от двух первых периодов, важнейшие произведения третьего нам хорошо известны. Их авторы уже не были афинскими философами: Сенека (около 8–65) был сборщиком налогов и министром императора Нерона; Гай Мусоний Руф (25–80) преподавал стоицизм в Риме и был отправлен тем же Нероном в ссылку; Эпиктет (около 50–130), раб, затем получивший свободу, преподавал устно – его мысли зафиксировали ученики, в частности Флавий Арриан (около 86–160), автор книг «Беседы» и «Руководство», и император Марк Аврелий (121–180).

Теперь я хотел бы показать тебе, отмечая наиболее важные аспекты, как философия, в частности стоицизм, подходила к вопросу о спасении, как с помощью простого разума она пыталась дать ответы на необходимость победить наш страх человеческой конечности. В этом представлении я буду следовать тем трем осям – теории, этике, мудрости, – о которых говорил тебе выше. Я также приведу тебе ряд цитат великих философов этого периода. Я понимаю, что порой они могут немного мешать твоему чтению, но они просто необходимы, чтобы ты быстрее научился пользоваться своим критическим разумом. Ты должен привыкнуть всегда проверять самостоятельно, правдиво ли то, что тебе говорят. А для этого необходимо обращаться к первоисточникам и никогда не довольствоваться одними «комментариями».

1. Теория: созерцание космического порядка

Чтобы обрести свое место в мире, научиться в нем жить и сделать свою жизнь его неотъемлемой частью, прежде всего необходимо познать окружающий нас мир. Именно в этом, скажу я тебе, и заключается первостепенная задача философской теории.

На греческом языке она называется *теория*, и этимология этого слова заслуживает того, чтобы на ней остановиться: *to theion* или *ta theia oraō* означают «я созерцаю (*oraō*) божественное (*theion*)», «я вижу божественные дела (*theia*)». И действительно, для стоиков *the-oria* заключается в усилии созерцания того, что «божественно» в окружающей нас реальности. Иными словами, первейшая задача философии – видеть *самое существенное* в мире, то, что в нем является самым реальным, самым важным, самым значимым. А для греческой философской традиции, которая достигает своей кульминации в стоицизме, самой сокровенной сущностью этого мира является *гармония, порядок*, одновременно прекрасный и справедливый, который древние греки обозначали словом «космос».

Если ты хочешь составить себе ясное впечатление о том, что греки называли *космосом*, самое простое – представить себе всю вселенную как некое *организованное и одухотворенное* существо. В самом деле, для стоиков строение этого мира или, если угодно, космический порядок – это не только прекрасная организация, но и порядок, аналогичный устройству живого существа. Материальный мир, вся вселенная представляет собой, в сущности, гигантское животное, каждый элемент которого – то есть каждый орган – задуман наилучшим образом и находится в полной гармонии с целым. Каждая часть этого целого, каждый член этого огромного тела находится на своем месте и, если не происходит какого-либо бедствия (иногда таковые случаются, но порядок вскоре восстанавливается), функционирует в прямом смысле этого слова безукоризненно, без сбоев, в гармонии с другими: вот что *теория* должна нам помочь открыть и узнать.

В нашем языке от слова «космос» произошло, помимо прочего, слово «косметика». Изначально это была наука о красоте тела, уделяющая внимание правильности пропорций, и только во вторую очередь – искусству макияжа, призванному подчеркнуть то, что «хорошо сделано» (и в случае необходимости скрыть то, что таковым не является). Именно этот порядок, этот *космос* как таковой, это организованное устройство вселенной древние греки называли «божественным» (*theion*), в отличие от иудеев и христиан, для которых божественным стало Высшее существо, внешнее по отношению к вселенной, существовавшее до нее и ее создавшее.

Это божественное, которое не имеет ничего общего с личным Богом, но смешивается с мировым порядком, стоики и призывают нас созерцать (*theorein*) всеми подходящими средствами – например, изучая науки, физику, астрономию или биологию, а также накапливая наблюдения, показывающие, насколько *вся* вселенная (а не та или иная ее часть) «хорошо сделана»: регулярное движение планет и даже строение мельчайшего живого организма, самого крошечного насекомого, убеждают внимательного наблюдателя, то есть того, кто рассудительно практикует «теорию», в том, сколь точно идея *космоса*, справедливого и прекрасного порядка, описывает окружающую нас реальность, если только мы умеем ее как следует созерцать.

Таким образом, можно сказать, что устройство вселенной не только «божественно», совершенно, но и «разумно», сообразно тому, что греки называли *логосом* (от этого термина произошло слово «логика»), как раз указывая на это восхитительное упорядочивание вещей. Вот почему, упражняясь в *теории*, наш разум способен понять и растолковать *логос*, в точности как биолог понимает «значение» или назначение органов живого тела, рассекая его на части.

Открыть глаза на мир для стоиков значило то же самое, что для биолога открыть глаза на тело мыши или кролика и убедиться в том, как в нем все «хорошо сделано»: глаз устроен

так, как он устроен, чтобы «хорошо видеть», сердце и артерии – чтобы хорошо снабжать все тело оживляющей его кровью, желудок – чтобы переваривать пищу, легкие – чтобы снабжать мускулы кислородом и т. д. С точки зрения стоика, все это одновременно «логично», разумно (в смысле *логоса*) и «божественно» (*theion*). Но для чего здесь слово «божественно»? Вовсе не для того, чтобы показать, что все эти чудеса сотворил личный Бог, но чтобы подчеркнуть: это и в самом деле чудеса, и мы, человеческие существа, не являемся их создателями. Мы не создаем, а лишь открываем все это. Божественное – это чудесное нечеловеческое.

Цицерон, один из наших основных источников знаний о ранних стоиках, почти все работы которых, как я уже тебе говорил, были утеряны, заостряет на этом внимание в своем трактате «О природе богов»⁶, смеясь над мыслителями, которые, подобно Эпикуру и наперекор стоикам, считали, что мир представляет собой не *космос*, порядок, а, наоборот, хаос. Вот как возражает на это, в духе стоической мысли, Цицерон:

Пусть сколько угодно шутит Эпикур <...> Но ведь определенно нет ничего лучше мира. <...> то, что одушевленно, что имеет и чувство, и разум, и ум.

Я процитировал этот небольшой текст, чтобы ты осознал, как эта философия далека от нашей, от философии Нового времени. Если бы сегодня кто-то утверждал, что мир одухотворен, то есть что он обладает душой и что природа обладает разумом, его, несомненно, приняли бы за сумасшедшего. Но если попытаться правильно понять древних греков, то их рассуждения вовсе не абсурдны: утверждая божественный характер всей вселенной, они выражали свое убеждение в том, что за кажущимся хаосом этого мира существует «логичный» порядок и что человеческий разум способен его увидеть.

Пользуясь случаем, скажу, что эту идею, согласно которой мир обладает своего рода душой и подобен живому существу, позднее назовут «анимизмом» (от латинского слова *anima*, что значит «душа»). Также об этой «космологии» (то есть о стоической концепции *космоса*) будут говорить как о «гилозоизме», что буквально означает уподобление материи (*hylè*) животному (*zoon*), ее признание живым существом. И, наконец, это же учение получит название «пантеизм» (от греческих слов *pan* – «всё», и *theos* – «Бог»), в том смысле, что божествен весь мир, а не только сотворившее его, так сказать, извне существо.

Я привожу тебе все эти термины, как ты и сам догадываешься, не из любви к философскому жаргону, а как раз наоборот – чтобы ты смог читать произведения великих философов сам, не спотыкаясь об эти «технические» термины, которые зачастую больше впечатляют, чем проясняют что-то.

Итак, с точки зрения стоической *теории космос*, если оставить за скобками случайные и временные происшествия, каковыми являются различные напасти и катастрофы, в высшей степени *гармоничен*, что будет иметь – и вскоре мы увидим почему – колоссальные последствия в «практическом» плане (то есть в плане нравственном, юридическом и политическом). Ведь если вся природа гармонична, значит, она до некоторой степени может служить моделью для поведения людей. Именно в этом смысле будут понимать известное предписание, согласно которому природе нужно во всем подражать – не только в эстетике и искусстве, но и в морали и политике.

⁶ Цицерон. Философские трактаты / Пер. М. Рижского. М.: Наука, 1985. С. 114–115.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.